

ЖИЗНЬ КАК ТЕЗАУРУС

М.Н. ЭПШТЕЙН*

В статье рассматриваются два способа жизнеописания: нарратив и тезаурус. Нарративные подходы получили широкое признание в современной психологии, но жизнь – это не только временная цепочка событий, это и сумма опыта, смысловой континуум, который может быть адекватно представлен лишь в виде автотезауруса, «словаря себя». Вводится понятие «биограммы» как внеповествовательной, категориальной единицы жизненного тезауруса. Выявляется различие двух типов личности: нарративной и тезаурусной; последняя строит свою автобиографию не в виде рассказа, а как совокупность биограмм (М. Монтень, Ф. Ницше, Р. Барт). Применение тезаурусных методов в психологии отвечало бы росту неповествовательных, энциклопедических и гипертекстуальных практик в современных дискурсах.

Как однажды выразился Генри Джеймс, истории случаются с теми, кто знает, как их рассказывать. Если нет рассказа, то нет и самой истории. Есть люди, у которых самые ничтожные случаи перерастают в долгие захватывающие истории, и есть люди, которые испытали множество волнующих событий, были причастны к Истории с большой буквы, но весь их рассказ сводится к одной-двум сухим протокольным фразам. Значит ли это, что они прожили менее богатую жизнь, если не умеют о ней рас-

* *Эпштейн Михаил Наумович* – философ, филолог, культуролог, эссеист, профессор университета Эмори (Атланта, США). Автор 20 книг и более 500 статей и эссе, переведенных на 14 иностранных языков, включая «Парадоксы новизны» (М., 1988), «Природа, мир, тайник вселенной...» (М., 1990), «Философия возможного» (СПб., 2001), «Отцовство» (СПб., 2003), «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М., 2004), «Философия тела» (СПб., 2006) и др. Автор сетевых проектов «ИнтелНет», «Книга книг», «Веер будущностей», «Дар слова». Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999), «Liberty» (Нью-Йорк, 2000).

сказать? Или, быть может, им требуется другой способ жизнеописания, которому ни сами они, ни их собеседники не научены?

В нашем мире дискурсивно преобладают рассказчики историй, а составителям словарей и энциклопедий остается пассивная роль обобщения этих историй, суммирования всех слов и значений, в них промелькнувших. Но может быть, некоторые люди мыслят и чувствуют не событийно, а словарно, суммарно, глубоко вчувствуются и вдумываются в сущность войны, в смысл любовных переживаний? Может быть, нужно задавать иные вопросы? Не «что было с тобой на войне?», а «чем была для тебя война?». И пусть не будет никакого рассказа, никаких боевых историй, но будет видение и понимание войны. И тогда жизненный итог таких людей будет состоять не из историй «как это было», а из пониманий того, *как это бывает*, из таких *биограмм* – жизнеописательных и жизнемыслительных единиц, как «война и холод», «война и огонь», «война и стыд», «первый бой», «второй бой», «последний бой»... Опыт и сознание выстраивают картину жизни из таких надвременных, надсобытийных категорий, – образов, понятий, – которые уподобяют ее не повествованию, а энциклопедии. И тогда становится выразимо то, что невыразимо в жанре историй.

В последние десятилетия в психологии получил развитие нарративный подход. Еще в середине 1980-х гг. Джером Брунер, один из основателей когнитивной психологии в 1970-е гг., выступил инициатором нового сдвига в психологии и социальных науках – «нарративного подхода», который иногда называют «второй когнитивной революцией». Задача нарративной психологии и терапии (практики) – создать условия для того, чтобы каждый из партнеров смог услышать историю другого и по-новому ее воспринять. Нарративный терапевт сотрудничает с «пациентами» в развитии их историй о себе и мире. Сначала свою историю рассказывает один партнер, другой его выслушивает и делится своим восприятием услышанного. После этого роли меняются, слушатель становится рассказчиком.

Основной тезис нарративной психологии так выражен Брунером в статье «Жизнь как нарратив» (1987): «...У нас, по-видимому, нет иного способа описания прожитого (и проживаемого) времени, кроме как в формах нарратива. /.../ По сути, один из наиболее важных способов охарактеризовать культуру – выявить предлагаемые ей нарративные модели описания хода жизни. /.../ С психологической точки зрения такой вещи, как “жизнь сама по себе”, не существует. ...Жизнь есть рассказ, нарратив, сколь бы несвязным он ни был» (*Брунер*, 2005, с.11, 13, 28).

Но действительно ли жизнь есть нарратив, то есть способ рассказывания о ней во временной последовательности? Прежде всего, сама ин-

тенция «рассказывания о жизни» предполагает не просто наличие конкретного случая (события, эпизода), но осознание любого случая как составляющей частицы жизненного целого. Такое осознание может строиться нарративно, в виде цепочки событий и объясняющих переходов между ними (характеристика обстоятельств, причин, участников действия). Но сознание не сводится к воспоминанию о событиях. Сознание – это более или менее связанная система моих знаний и представлений о себе и о мире, о том, чем была и что есть моя жизнь. Сознание имеет свой словарь, свой тезаурус, который охватывает все содержание жизни не во временной последовательности, а как предстоящее мне здесь и сейчас, во всем объеме памятного мне бытия. Этот тезаурус включает имена и образы людей, с которыми я был знаком, – соучастников моей жизни; названия вещей, составлявших мое материальное окружение; те страны и города, где я бывал; тех писателей, которых я читал; те эмоциональные состояния, которые мне доводилось переживать; те понятия и идеи, которым я придавал ценность и воплощению которых отдавал свою жизнь или с которыми, наоборот, враждовал... Эта совокупность имен и названий, образов и переживаний, понятий и идей и образуют тезаурусное наполнение жизни. Если нарратив – это временной срез жизни в последовательности ее событий, то тезаурус – континуум событий, одновременно предстоящих сознанию, где содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, книг, чувств и мыслей...

Термин «тезаурус», как и «нарратив», приходит из лингвистики, и между ними то общее, что они предполагают жизнь как лингво-культурную конструкцию, как способ нашего описания жизни в рамках определенного языка. Такой психологический подход лингвоцентричен. Но если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус – ее *картину*. В лингвистике «тезаурус» – это идеографический словарь, где представлены смысловые отношения между всеми лексическими единицами данного языка. В тезаурусе, в отличие от обычного толкового или энциклопедического словаря, слова расположены не по алфавиту, не в формальном порядке, а в порядке их смысловой близости, ассоциативной и концептуальной связи, отнесенности к одному семантическому гнезду. Например, общий блок образуют все слова, обозначающие пространство, а внутри него – слова, описывающие линии, вогнутые и выпуклые формы, расстояния, объемы и т.п.

Тезаурус – это срез нашего сознания и видения жизни как целого, куда включаются такие лексические единицы: личные имена: Петя (друг детства), Таня (подруга юности), Николай Сергеевич (начальник); Пушкин, Толстой;

географические имена: Москва, где я живу; Черное море, где я отдыхал;
термины родства: мама, папа, сестра, жена;
понятия: молодость, старость, честь, смелость, деньги;
социальные и профессиональные институции: школа, университет, государство, литература, физика;
календарные и исторические события: Великая Отечественная война, перестройка, и т.д.

Тезаурус включает, конечно, и разнообразные идиосинкразии, например, любимые и нелюбимые цвета, запахи, блюда, буквы, цифры, фигуры. Все, что в этом мире имеет название и значимо для данной жизни, составляет ее тезаурус. Единицу тезауруса мы назовем **биограммой**, «начертанием, письменным знаком жизни»¹. Биограмма – структурная единица жизненного целого, которое может включать, например, такие биограммы, как «дружба», «одиночество», «встреча», «разлука», «учеба», «болезнь», «замужество», «роды» и т.д. Если нарратив – это биограммы во временном порядке, как последовательно рассказанная биография, то тезаурус – это совокупность биограмм, организованных системно как описание целостной картины жизни и жизневоззрения.

Даже на уровне повседневного разговора мы порой общаемся тезаурусно, не столько рассказывая о чем-то, сколько перечисляя и сопоставляя элементы опыта, набрасывая сетку различительных категорий на пространство своей и чужой жизни. «Я болею за такую-то команду, а ты?», «У тебя в школе какой любимый предмет? А у меня..» Такой обычный разговор есть, в сущности, диалог тезаурусов, как и детское: «У меня в кармане гвоздь, а у вас?» В основе – желание сопоставлять картины мира, причем выделяются общие рубрики, биограммы, по которым проводится сравнение. «У меня» и «а у вас...?» Это поиск «языка жизни», который значим для нас обоих. У каждого в жизни есть свой «гвоздь», свое «чтение», «путешествие», «одиночество», и т.д..

Сама человеческая память, особенно долгосрочная, как показали исследования И. Тулвинга (*Tulving, 1972*) и других психологов, имеет две основные разновидности. *Эпизодическая* память хранит информацию о событиях, развернутых во времени («пришел, увидел, победил»; «позавтракал, поработал, поплавал»). *Семантическая* память хранит обобщенное знание человека о себе и мире, обо всех символах и концептах, их взаимоотношениях и правилах их использования («что я ем на завтрак», «какое питание мне полезно», «какой стиль плавания я предпочитаю»).

¹ Греч. *gramma* – «письменный знак, черта, линия», от *grapho* – «пишу». Слова «биография» и «биограмма» произведены от одних и тех же греческих корней.

таю» и т.д.)². Соответственно и жизненное целое выстраивается памятью в двух конфигурациях: как серия эпизодов и как система биограмм.

Нарратив и тезаурус образуют две оси языкового представления жизни, и они постоянно пересекаются в каждой ее точке. На основе нарратива данной жизни можно составить ее частичный тезаурус путем выявления самых значимых, часто упоминаемых слов и соединения их в лексико-концептуальные гнезда, причем толкование каждой единицы такого производного тезауруса дается в виде примеров ее употребления в нарративе (например, «мама» – и случаи употребления этого слова в рассказе). С другой стороны, и тезаурус жизни включает в свои словарные статьи какие-то нарративные элементы, истории, которые иллюстрируют значение данной биограммы. Например, статья «мать» в тезаурусе Н. может включать не только характеристику отношения Н. к матери, как и описание ее внешности, душевного склада, привычки пр., но и ряд историй, которые наиболее выпукло ее характеризуют. Иными словами, внутри нарратива складывается своя тезаурусная картина мира, а внутри тезауруса есть место для жизненных историй.

И тем не менее нарративный и тезаурусный подходы, будучи дополнительными (условно говоря, как «частица» и «волна» в квантовой физике), сильно различаются, и нельзя свести этот дуализм к монизму. Одна и та же жизнь может быть представлена нарративно и тезаурусно, но это два разных способа представления, которые нельзя объединить или без остатка свести один к другому. В нарративе всегда будет утеряна полнота тезауруса, а в тезаурусе – динамика нарратива. Например, повествуя о своей жизни, нельзя представить каждое лицо, место, предмет, явление в системной картине мира, – иначе рассыпется сюжет. И точно так же нельзя в тезаурусе представить все события данной жизни в их последовательности – тогда рассыплется словарная картина жизни, перейдя в цепочку ее отдельных сменяющихся эпизодов.

Вероятно, есть жизни, более располагающие к одному из этих двух подходов. Есть жизни более действенные, событийные, полные приключений, динамично развернутые во времени. И есть жизни более созерцательные, вбирающие разные стороны бытия не столько в последовательности событий, сколько в совокупности переживаний, размышле-

² Разработаны разные модели семантической памяти: модель «цепной активации» (spreading activation model /Collins and Loftus/), где содержание памяти представлено как карта взаимосвязанных концептов; признаково-сравнительная модель (feature-comparison model /Smith, Shoben and Rips/), где характерные признаки концептов даются в виде сравнительных перечней.

ний, значимых отношений и воззрений. Есть жизни – романы и жизни – панорамы. Точно так же есть и личности нарративного и тезаурусного склада. Вот общее застолье. Одни люди сыплут бесконечными историями – о себе, о своих знакомых; рассказывают анекдоты, случаи из жизни. Другие пытаются обсуждать идеи, выражают свое к ним отношение и выясняют отношение к ним собеседника, делятся взглядами, переживаниями и т.д. Как правило, нарративные личности легче привлекают к себе всеобщее внимание, становятся душой общества; тезаурусная личность склоняется, скорее, к персональному или профессиональному разговору, предмет которого – не частные случаи, а картина мира. Очевидно и то, что нарратив резко преобладает в литературных жизнеописаниях. Люди предпочитают читать биографические романы и лишь в редких случаях прибегают к биографическим энциклопедиям (как правило, если речь идет о действительно любимых и почитаемых личностях, о которых хочется знать «все-все»). Тезаурус – это во многом «рецидивный» ген нашей жизнеописательной культуры, тогда как нарратив – ген «доминантный».

Но представляется тем более важным и для психологии как науки, и для терапевтической практики – обратиться к этому малоисследованному, однако равноценному способу представления жизненного мира. Есть множество людей, не умеющих рассказывать истории и, тем не менее, расположенных к саморефлексии и глубокому мирозерцательному разговору. (Есть даже такое эмпирическое определение интеллектуального развития человека по тому, какой тип беседы для него наиболее органичен: низшая ступень – разговор о вещах; средняя – разговор о случаях; высшая – разговор о понятиях). Возможно, это те самые люди, которые предпочли бы описать свою жизнь в форме тезауруса, а не нарратива. А поскольку жизнь, согласно современной лингвоцентрической психологии, и есть способ ее описания, то сама жизнь этих людей, способ их существования, их ценностные ориентиры и цели располагаются в пространстве тезауруса, а не во времени нарратива. Для них жизнь есть постепенно растущая сумма «биограмм» – ключевых слов, понятий, образов прошедшего, но также и настоящего, и будущего, поскольку с каждым поворотом меняется вся перспектива дороги. Жизнь – это не моя история, но совокупность того, что я помню и знаю: о людях, которых я встречал, о вещах, которые меня окружали...

Для тезаурусной личности нет особо существенной разницы в порядке событий: любое из них воспринимается как приобретение или углубление еще одной грани опыта, как расширение тезауруса, прибавление к нему новой биограммы, которая позволяет пережить категори-

альность, а значит, и судьбоносность, жизнецельную значимость каждого события. Тезаурусная личность проживает свою жизнь с конца в начало едва ли не больше, чем с начала в конец; она воспринимает все последующие события как прояснение смысла, придание формы, концептуальное обобщение предыдущих событий. Здесь больше действует судьба, а не жизнь, то есть обратный распорядок смыслов, когда каждое событие находит себе место в целостной, надвременной системе личного мира.

Среди великих литературных образцов тезаурусного самопознания – «Опыты» М. Монтеня. Обычно обращают внимание на жанровое своеобразие «опытов» – но не на то целое, которое они образуют, а именно, монтеневский *автотезаурус*. «О скорби», «О стойкости», «О дружбе», «О воспитании детей», «О запахах», «О возрасте», «О книгах» – это построенный Монтенем многогранник своей собственной жизни, отраженной в зеркалах общих понятий. Это способ рассказывать о себе не в хронологическом, а в тематическом, энциклопедическом порядке. «...Содержание моей книги – я сам...», – предупреждает Монтень в обращении к читателю (Монтень, 1979, 1, 7). И в заключительной части «Об опыте» повторяет: «Тот предмет, который я изучаю, больше всякого иного, – это я сам» (там же, 3, 474). Казалось бы, если хочешь говорить о себе, почему бы не прибегнуть к последовательному повествованию? Монтень так отвечает на это: «Я не могу вести летопись своей жизни, опираясь на свершенные мною дела: судьба назначила мне деятельность слишком ничтожную; я занимаюсь ею, опираясь на вымыслы моего воображения» (там же, «О суетности», 3, 264).

Другой знаменитый образец автотезауруса – «Ессе Номо» Ф. Ницше (1888), работа, которой завершился его творческий путь и которая подводит итог его жизни в форме маленькой энциклопедии основных идей, книг и самодефиниций. «Почему я так мудр», «Почему я так умен», «Рождение трагедии», «Веселая наука», «Почему являюсь я роком» – таковы некоторые разделы этой «автоциклопедии», цель которой в предисловии определяется так: «...Я считаю необходимым сказать, кто я». «Итак, я рассказываю себе свою жизнь» (Ницше, 1990, с. 694, 697). Но то, что следует дальше, есть отнюдь не рассказ, а попытка охватить тезаурусно свою жизнь и мысль, ее основные темы и произведения.

Еще один пример книги, представляющей жизненный опыт в форме тезауруса, – «Фрагменты речи влюбленного» Ролана Барта. Для всякого, кто читал эту книгу, очевидно, что она глубоко автобиографична, причем в ней раскрыт самый интимный пласт жизненного опыта. Но именно поэтому его нельзя пересказать в виде историй – только в виде

статей словаря, раскрывающих разные грани этого опыта: ожидание, удивление, скитание, аскеза, катастрофа, нежность, безответность..... За каждой из этих статей стоит неизвестное нам множество событий или лиц, но оно суммируется в биограмме, фигуре действия или переживания, как концептуальной единице тезауруса. Это редчайший пример не автобиографии, а автотезауруса, который перерастает в тезаурус любовного опыта всей европейской цивилизации, поскольку Барт конструирует тот язык, на котором можно одновременно описывать и страдания юного Вертера, и страдания искушенного Ролана. Распадись этот суммарный опыт на истории – исчезла бы его семантическая плотность, культурная насыщенность каждой фигуры, которая вбирает в себя множество микроисторий, как из жизни самого Барта, так и из сюжетов мировой литературы.

Различие нарратива и тезауруса проявляется в дискурсивной организации целых профессиональных полей. Например, художественная словесность (*fiction*) в целом тяготеет к нарративу, тогда как философия мыслит тезаурусно. Но при этом одни национальные литературные традиции могут вбирать в себя тезаурусные элементы больше, чем другие. Например, немецкоязычные писатели: Т. Манн, Гессе, Музиль – гораздо тезауруснее, чем их английские или русские современники. Ранняя японская проза (Сэй-Сенагон, Кэнко-хоси), да и поэзия (хокку, танка) в значительной степени неповествовательна, «инвентарна». Но если говорить не о профессиональной деятельности (литература, философия), а о жизненном опыте большинства людей, то, конечно, нарратив пока еще преобладает как способ его описания. Грубо говоря, большинство людей – писатели, а не мыслители, рассказчики, а не обобщатели, и это причина (или следствие?) того, что они предпочитают читать Дюма, а не Гегеля.

И все-таки представляется, что тезаурусность – это не удел меньшинства, а тот слой личного самосознания, который пока еще меньше всего выговорен, культурно проработан и поддержан. По мере рефлексивного роста человечества он начинает выходить на первый план. Нон-фикшн начинает вытеснять фикшн из круга повседневного чтения, хотя и в нон-фикшн преобладают пока еще нарративы (биографии, истории войн и других исторических эпизодов). Но заметим, что в исторической науке тезаурусный подход преобладает над нарративным со времен французской школы «Анналов» (1926 г.), которая оказала широчайшее воздействие на историков во всем мире. В центре исследований оказываются не событийная канва истории и не биографии великих людей, а языковая картина мира, привычки, традиции, мифологемы, социальные,

возрастные, гендерные ментальности и структуры жизненного опыта³. Не только профессиональное, но и общественное сознание постепенно сдвигается от синтагматики к парадигматике языка культуры, о чем свидетельствует массовый читательский успех словарей и энциклопедий. Тезаурусность начинает обретать общественный престиж, чему в огромной степени способствует интернет со своими поисковыми системами, каталогами и гипертекстами.

Можно предполагать, что этот сдвиг исторического самосознания человечества в сторону тезауруса будет дополнен и сдвигом личностного самосознания, новой дискурсивной ориентацией психобиографического дискурса. То, что лингвоцентрическая психология пока находится на стадии открытия нарративов, вполне понятно и закономерно, но пора переходить к следующей фазе. Огромная часть человеческого опыта, как личного, так и социального, остается нам неизвестной из-за преобладания нарративных приемов и неразработанности тезаурусных полей. Как выглядел бы микромир, если бы мы исследовали его только корпускулярно и не выработали корпускулярно-волнового дуализма его описания? Точно так же односторонне выглядит человеческая жизнь, сведенная к нарративной цепочке событий. Разработка иных, дополнительных методов ее описания могла бы наполнить смыслом и словом жизнь миллионов людей, нарративно немых, обладающих другим, тезаурусным опытом ее постижения, воспринимающих жизнь как целое, как данность, как совокупность всех знаков и смыслов, одновременно присутствующих и перекликающихся в их бытии.

Один из важнейших вопросов: насколько тезаурусный подход может быть терапевтически продуктивным, в частности, в семейных консультациях, где составление тезауруса собственной жизни и его сопоставление с тезаурусом партнера может значительно углубить их взаимопонимание? Достоинства тезаурусного подхода здесь особенно очевидны. Ведь у каждого человека – своя история жизни, тогда как тезаурусные поля, смысловые классы событий и переживаний пересекаются у множества лиц, что облегчает их сопоставление. Можно предположить (хотя это и требует экспериментальной проверки), что тезаурусам разных людей, именно вследствие их «категориальной» общности, легче вступить в диалог друг с другом, чем нарративам, которые заранее не эксплицируют своей концептуальной модели и столь же прихотливо-индивидуальны по языку, как

³ См., например: *М. Блок*, *Апология истории*; *Ф. Бродель*, *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* (том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное); *А.Я. Гуревич*. Категории средневековой культуры.

и описанные в них цепочки событий. Если жизненный нарратив – это просто-речь, язык которой еще только подлежит реконструкции со стороны исследователя, то тезаурус – речь, демонстрирующая свой собственный язык, ту концептуальную модель, которая кладется автором в основу его мировоззрения и самоописания. Тезаурусная личность выступает не только как автор речи, но и как автор (или, по крайней мере, компилятор, «лексикограф») того языка, на котором производится эта речь, то есть самоописание здесь восходит на более высокий рефлексивный уровень. Тезаурусная личность берет на себя часть тех функций языкового самоописания, которую в отношении нарративной личности присваивает терапевт или исследователь. Это, конечно, не мешает последнему выстраивать новые уровни метаязыковых описаний той картины мира, которая предстает в тезаурусе, но первым и главным теоретиком себя, а значит, в какой-то степени и терапевтом себя, выступает сам автор тезаурусного текста, что придает последнему еще большую личностную напряженность и знаковую многослойность.

Что же это такое – жизнь в тезаурусе? Как собирать и обобщать эмпирический материал – не-нарративные жизнеописания, автобиографии, написанные в жанре тезауруса? Какие типы концептуальных единиц – биограмм – можно выделить в такой системе жизнеописания, как они группируются, в какие роды и виды складываются? Как развивать в людях тезаурусное сознание, как открыть им те грани опыта, которые не могут быть выражены в нарративе? Какие методологические и педагогические процедуры могут вести к росту тезаурусного сознания не только в отдельных личностях, но и в целом обществе, чтобы мог быть артикулирован его глубочайший исторический опыт, несводимый к «историям»?

Все это вопросы, которые современной психологии еще только предстоит поставить, прежде чем она сможет искать на них ответы.

ЛИТЕРАТУРА

- Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2).
- Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979. Номер тома и страницы указаны в тексте.
- Tulving, E.* Episodic and semantic memory. In: E. Tulving & W. Donaldson (Eds.), *Organization of Memory*, New York: Academic Press, 1972. P. 381-403. 5. Ф. Ницше. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 694, 697.